

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-3

Исследовательская статья

¹Кублицкая Е. А.

²Назаров М. М.

Религиозность и социальные представления населения

¹Институт социальной демографии

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСД ФНИСЦ РАН),
улица Фотиевой дом 6/1, Москва, 119333, Россия
eakubl@yandex.ru

²Институт социально-политических исследований

Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН),
улица Фотиевой дом 6/1, Москва, 119333, Россия
vy175867@yandex.ru

Аннотация. Приводятся результаты социологических исследований социальных представлений в группах с различной степенью религиозности. Особый акцент делается на изучении отношения к гражданским ценностям, являющимся важным фактором консолидации общества в условиях глобальной нестабильности и роста вызовов российской государственности. Методология и методические решения основываются на понимании религиозности как многомерного свойства индивида или группы в части приверженности религии и выполнении ее предписаний. Операционализация понятия уровня и степени религиозности осуществляется посредством использования комплексных индикаторов сознания и поведения. Эмпирическую основу работы составляют репрезентативные исследования в регионах РФ в период 2008-2025 гг. В число шести наиболее распространенных ценностей консолидации входили безопасность, свобода и права человека, социальная справедливость, патриотизм, общественный порядок, национальная гордость. Причем в группах с различной степенью религиозности (среди верующих воцерковленных, верующих невоцерковленных, колеблющихся между верой и неверием, нерелигиозных), в отношении к большей части ценностей статистически значимой разницы не наблюдалось. Отличие относится в основном к ценности патриотизма – увеличение доли принятия ценности наблюдается по мере роста степени религиозности. Приоритет российского гражданства также возрастает по мере роста степени религиозности («воцерковленных» верующих). Три четверти респондентов среди населения отмечали, что их устраивает российская политическая система, либо они выступали за постепенное реформирование существующих недостатков. Различия между конфессиональными и нерелигиозными группами касались тех, кто разделял представления о необходимости радикальных изменений в этой области. В наибольшей степени на это были ориентированы неверующие, в наименьшей – православные. Стабильность общества соотносится с оценками граждан

жизненных перспектив. Существенное большинство респондентов оценивали свое будущее (как на личном уровне, так и на уровне страны в целом) в терминах уверенности и надежды; тревоги и надежды в равной степени. Оценки неуверенности и безысходности разделяли около десятой части опрошенных. Причем в конфессиональной группе православных подобные оценки были распространены существенно меньше, чем в группе верующих вне конфессий и в группе неверующих. Были изучены представления групп с конфессиональной и нерелигиозной самоидентификацией о вкладе в развитие страны, начиная от государственных деятелей последнего периода самодержавия, советским и, заканчивая постсоветским периодом истории. Делается вывод, что противопоставление советского периода другим периодам российской истории, зачастую проявляющееся в современном медийном дискурсе, не способствует общественной консолидации.

Ключевые слова: религиозность; конфессиональная самоидентификация; социальные представления; политические ценности; религиозная ситуация; социальная консолидация

Информация для цитирования: Кублицкая Е. А., Назаров М. М. Религиозность и социальные представления населения // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 205-226. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-3.

Research article

¹Elena A. Kublitskaya
²Mikhail M. Nazarov

Religiosity and social beliefs of the population

¹Institute of Social Demography of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISD FNSC RAS), 6/1 Fotieva St. 6, Moscow, 119333, Russia
eakubl@yandex.ru

²Institute of Social and Political Research of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISPI FSRSC RAS), 6/1 Fotieva St. 6, Moscow, 119333, Russia
vy175867@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of sociological research of social perceptions in groups with varying degrees of religiosity. Special emphasis is placed on the study of attitudes towards civic values, which are an important factor in the consolidation of society in the context of global instability and growing challenges to Russian statehood. The methodology and methodological solutions are based on the understanding of religiosity as a multidimensional property of an individual or a group in terms of adherence to religion and fulfillment of its precepts. The operationalization of the concept of the level and degree of religiosity is carried out through the use of complex indicators of consciousness and behavior. The empirical basis of the work is based on representative studies conducted in the regions of the Russian Federation between 2008 and 2025. The six most common values of consolidation included security, freedom and human rights, social justice, patriotism, public order, and national pride. Moreover, in groups with varying degrees of religiosity (among church-going believers, non-church-going believers,

those who vacillate between faith and disbelief, and non-religious individuals), there was no statistically significant difference in relation to most of the values. The difference mainly relates to the value of patriotism – an increase in the share of acceptance of the value is observed as the degree of religiosity increases. The priority of Russian citizenship also increases as the degree of religiosity (of “churched” believers) increases. Three-quarters of respondents said they were satisfied with the Russian political system, or they advocated for gradual reforms to address its current shortcomings. The differences between confessional and non-religious groups concerned those who shared the idea of the need for radical changes in this area. Non-believers were the most focused on this, while Orthodox believers were the least focused. The stability of society is related to citizens' assessments of their life prospects. A significant majority of respondents evaluated their future (both on a personal level and at the national level) in terms of confidence and hope; anxiety and hope were equally prevalent. Approximately one-tenth of the respondents shared assessments of uncertainty and hopelessness. Moreover, in the Orthodox religious group, such assessments were significantly less common than in the non-religious and non-believing groups. The article examines the views of groups with religious and non-religious self-identification on the contribution to the country's development, starting from the statesmen of the last period of autocracy, the Soviet period, and ending with the post-Soviet period of history. The article concludes that the contrasting of the Soviet period with other periods of Russian history, which is often evident in contemporary media discourse, does not contribute to social consolidation.

Keywords: religiosity; confessional self-identification; social attitudes; political values; religious situation; social consolidation

Information for citation: Kublitskaya, E. A., Nazarov, M. M. (2026), “Religiosity and social beliefs of the population”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (3), 205-226. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-3.

Введение (Introduction). Изучение того, как религия соотносится с ценностными ориентациями и социальным поведением населения является одним из актуальных направлений социологии религии. В современном мире, который долгое время описывался в категориях секуляризации, наблюдается сложная динамика: с одной стороны, в западных обществах фиксируется снижение влияния традиционных церквей, с другой – в глобальном масштабе растет роль религии как маркера идентичности и фактора политической мобилизации. Рассматривая приведенные в работе данные, следует учитывать важные тренды российского институционального контекста, сопутствующих формированию социальных представлений религиозного населения. В первые два десятилетия нынешнего века происходила десекуляризация государственных структур, усиление роли Русской православной церкви (РПЦ) как идеологического партнера государства. Также продолжалось быстрое восстановление храмов, рост числа священнослужителей. Наблюдалась политизация религиозных организаций, когда религиозная идентичность стала маркером традиционных ценностей в противовес либеральным ценностям современного пост-Запада. После периода «религиозного возрождения» 1990-х гг., которое в существенной своей части было поиском новой идентичности взамен утраченной советской, наступила стабилизация уровня традиционной религиозности. Происходил рост внеконфессиональной религиозности. Наряду с традиционными конфессиями, в крупных городах наблюдалось повышение популярности нетрадиционных религиозных и мистических, эзотерических учений и практик (Балагушкин, 1999; Митрохин, 1985; Белова, 2024). В России высокий уровень религиозной самоидентификации сочетается с низкой воцерковленностью, что ставит перед

исследователями задачу тонкого анализа того, как именно религиозная вера (религиозность) соотносится с социальными и гражданскими ориентациями населения. В современной ситуации это имеет прямое отношение к вопросам консолидации российского общества в связи нарастающей глобальной нестабильностью, актуализацией вызовов российской государственности.

Методология и методы (Methodology and Methods). Центральным понятием работы является религиозность, под которой в наиболее общем плане понимается проявление веры в Бога (сверхъестественное) и поклонение ему, приверженность религии и выполнение ее предписаний (Лопаткин, 2017). Заметим, что российская традиция изучения данной предметной области, опираясь на зарубежный опыт, выработала свои подходы, адаптированные к специфике страны. Для эмпирического изучения религиозности и её взаимосвязи с социальными представлениями населения первостепенное значение имеет четкая операционализация как центрального понятия, так и таких его составляющих, как «уровень» и «степень» религиозности. В отличие от западной традиции (где часто доминировал конфессиональный подход), советская и российская школы социологии религии прошли путь от критики «религиозных пережитков» к сложным многомерным моделям измерения религиозной веры.

В советский период (1960–1980-е гг.) исследования религии были подчинены идеологической задаче изучения процесса секуляризации. Тем не менее, именно в это время были заложены фундаментальные подходы к измерению религиозности. Один из основоположников отечественной социологии религии И. Н. Яблоков предложил рассматривать религиозность как состояние сознания и поведения индивида или группы. В своих работах он акцентировал внимание на структуре религиозного сознания: религиозная вера (принятие религиозных догматов); религиозный опыт (эмоциональные переживания); религиозное поведение (культовая и внекультовая активность). Автор ввел важное различие по глубине проникновения веры в сознание, что позже трансформировалось в понятие степени религиозности (Яблоков, 1979). Д. М. Угринович развил идеи многомерности, предложив различать интенсивность религиозности. Он разделил население на группы по характеру отношения к вере: «глубоко верующие», «верующие», «колеблющиеся», «индифферентные» и «атеисты». Угринович предполагал, что социолог должен изучать не только факт веры в Бога, но и мотивацию религиозного поведения, а также его место в общем бюджете времени личности (Угринович, 1986).

В 1990-е годы перед исследователями встала задача социологического измерения религиозности в условиях, когда большинство населения назвало себя верующими, не имея элементарных религиозных знаний. Это привело к углублению понятий «уровень» и «степень». В. Ф. Чеснокова ввела понятие «религиозность населения» как социологическую величину и активно использовала термин «укорененность» веры. В своем фундаментальном труде «Тесным путем» она детально проанализировала, как меняется образ жизни человека в зависимости от глубины его воцерковления. Согласно автору, степень религиозности можно измерить только через совокупность поведенческих практик (как часто молится, исповедуется) и когнитивных знаний (знание вероучения) (Чеснокова, 2009).

М. П. Мчедлов фокусировался на связи религиозности с ценностными ориентациями. Он выделил типы верующих не только по интенсивности веры, но и по социально-политическим установкам, показывая, что высокая степень религиозности коррелирует с определенными социальными представлениями (например, о справедливости, патриотизме) (Мчедлов, 1996). К. Каарияйнен и Д. Е. Фурман рассматривали динамику религиозности как процесс «обмирщения» сознания самих верующих. Они операционализировали понятия через блоки вопросов: уровень религиозности (по самооценке: «верю/не верю»); степень религиозности (по частоте молитв, посещения храмов, чтению религиозной литературы, вере в конкретные догматы – рай, ад, грех) (Фурман, Каарияйнен, 2006).

В данной работе мы рассматриваем религиозность, как многомерное свойство индивида или группы, включающее: когнитивный компонент (знание и принятие вероучения); поведенческий компонент (частота и регулярность культовых действий); аффективный компонент (эмоциональная значимость веры, религиозный опыт); идентификационный компонент (самоопределение по отношению к религии). Уровень религиозности понимается как макросоциологическая характеристика, демонстрирующая распространенность религиозного сознания и поведения в обществе, например, доля людей, утверждающих, что они верят в Бога или относят себя к какой-либо конфессии (Яблоков, 1979; Угринович, 1986; Чеснокова, 2009).

Характеристика степени религиозности (интенсивности, глубины) отражает место религии в жизни конкретного человека. Она измеряется через сочетание поведенческих (частота посещения храма) и когнитивных (знание догматов) индикаторов. Именно степень религиозности («стратегии» религиозности), как показывают и зарубежные исследования (Glock, 1965), и отечественные (Белова, 2022; Кублицкая, 2009; Кублицкая, Назаров, 2019; Лебедев, 2025; Лебедев, Сухоруков 2013; Пруцкова, 2017; Руткевич, 2018; Синелина, 2001 и др.), является ключевым фактором, дифференцирующим социальные ориентации внутри «воцерковленной» верующей группы независимо ни от регионального фактора, ни от возрастного ценза.

Фокус эмпирического анализа предполагал поиск ответов на следующие исследовательские вопросы. Каким в первые два десятилетия нынешнего века было отношение в группах с различным уровнем религиозности к политико-идеологическим ценностям объединительного плана? В чем состоят особенности ориентаций на ключевые гражданские ценности среди религиозных групп населения в актуальных условиях роста напряженности в отношениях России и современного пост-Запада? С учетом роста значимости фактора исторического сознания рассмотрен вопрос об оценке респондентами с различной конфессиональной самоидентификацией вклада известных российских государственных деятелей в развитие страны.

Эмпирическую базу работы составляют несколько источников. Первый источник – это данные сравнительных прикладных исследований в ряде регионов страны, проведенных Институтом социально-политических исследований РАН в первые два десятилетия нынешнего века. Используются результаты, полученные в Москве в 2008 г. число опрошенных N=650, в 2020 г. N=872; в Республике Мордовия в 2008 г. N=500, в 2019 г. N=500; в Республике Северная Осетия-Алания в 2008 г. N=1000; в Белгородской области в 2020 г. N=500¹. Сбор данных проводился на основе репрезентативной квотной выборки со связанными параметрами для отдельного региона. Метод сбора первичной информации – самозаполняемый опросник.

Методика исследований предполагала использование нескольких групп показателей и эмпирических индикаторов. Первая группа показателей использовалась для построения типологии по отношению к религии и атеизму. Применение комплексного индекса религиозности выявило принадлежность респондентов к следующим идеальным типам: «верующие воцерковленные», «верующие невоцерковленные», «колеблющиеся между верой и неверием», «неверующие»+атеисты (нерелигиозное население)². Вторая группа

¹ Опрос по Белгородской области проведён совместно с лабораторией «Социология религии, культуры и коммуникаций» кафедры социологии и организации работ с молодёжью НИУ «БелГУ» (Белгород).

² Принадлежность к тому или иному типу определялась посредством фиксации выбора опрошенными различными позиций в перечне следующих переменных: изменение отношения к религии на протяжении жизни; вера или неверие в Бога и др. сверхъестественные силы; религиозная или нерелигиозная самоидентификация; частота участия или не участие в религиозных праздниках, обрядах; причины участия в религиозных праздниках и обрядах; регулярность посещения храма (церкви, мечети, молитвенного дома), регулярность совершения молитв; участие в исповедальных практиках и практиках причащения; соблюдение религиозных постов. Типологические группы «неверующие» и «атеисты» в данных исследованиях объединены в общую

показателей касалась социальных представлений участников исследования, с акцентом на их политико-идеологических составляющих. Для выявления приоритетов в сфере гражданских ценностей определялось, какие из перечисленных объединяющих идей или ценностей являются близким лично для респондента (номинальная шкала из 15 позиций). Отдельно фиксировалось, какие эмоционально-психологические настроения возникают в связи с оценкой понятия «гражданин России». Третью группу составили социально-демографические показатели: пол, возраст, образование, сфера занятости, уровень дохода респондентов.

Для оценки социальных представлений респондентов с различным отношением к религии использовалась также данные, полученные в Москве в 2025 году, число опрошенных $N=1326$ ¹. Фиксация конфессиональной идентификации осуществлялась с помощью ответа на вопрос о том, к какой конфессии принадлежит респондент². Наряду с этим определены ценности, которые, по мнению участников опроса, являются приоритетными в связи с задачами независимого развития страны. Были изучены представления лиц с различной конфессиональной самоидентификацией об отношении к современной российской политической системе, к демократическим нормам, обеспечиваемым государством. Специально были рассмотрены особенности настроений респондентов (в группах с различной конфессиональной самоидентификацией) в связи с их видением будущего как применительно к личности, так и страны в целом. В связи с актуализацией вопросов исторического прошлого получены данные оценок участников исследования о вкладе известных государственных деятелей в развитие страны.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Типы религиозной принадлежности и гражданские ценности в первые два десятилетия текущего века.* Начнем рассмотрение с данных о распространенности гражданских ценностей среди населения в целом. Результаты, полученные в ходе исследований 2008 и 2019-2020 гг. в отдельных регионах приведены в таблицах 1 и 2. Показательно, что в число шести ведущих ценностей по их рейтингу в ранжированном ряду ответов практически во всех регионах входили «безопасность», «патриотизм», «свобода и права человека», «национальная гордость», «социальная справедливость», «общественный порядок». При этом существовали региональные особенности. Обратимся, например, к данным 2019-2020 гг. применительно к ценностям-лидерам в исследуемых регионах. В Москве к ним относились «свобода и права человека» (60%) и «безопасность» (59%); в Белгороде – «свобода и права человека» (54%) и «патриотизм» (51%); в Мордовии – «социальная справедливость» (53%) и «патриотизм» (51%). Вместе с тем, набор шести ведущих ценностей по регионам был практически неизменным³.

группу «нерелигиозное население», вследствие малочисленности групп «атеисты» в условиях конкретных выборочных совокупностей изучаемых регионов РФ.

¹ Репрезентативное исследование среди населения Москвы в возрасте 18 лет и старше. Метод сбора данных – онлайн опрос.

² Варианты ответа: православие; ислам; верю в существование сверхъестественной силы, но ни к какой церкви не принадлежу; неверующий (неверующая); другое. В разделе «Результаты» приводятся данные только по группам конфессиональной самоидентификации, имеющим статистически достаточное число наблюдений.

³ Среднее положение в ряду приоритетов гражданских ценностей занимали «демократия» и «духовность» (в пределах 34-26% по числу упоминаний в большинстве регионов). Популярность таких ценностей, как «державность (возвращение России статуса великой державы)», «религия и религиозные традиции» составила от 17 до 12%. В пределах 12-10% по числу упоминаний в Москве и в Белгороде имели такие ценности, как «социализм», «общественное самоуправление». Для Мордовии эти цифры были существенно меньше. Существенные региональные отличия были присущими ценности «интернационализма» (14% в Москве и в два раза меньше в других регионах). Наименьшее по числу упоминаний имела позиция «самодержавие».

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных политических идей или ценностей являются близкими лично для Вас?» (в % от числа опрошенных в 2008 г.)¹

Table 1

Distribution of responses to the question: “Which of the following political ideas or values are personally close to you?” (% of the total number of respondents in 2008)

Варианты ответов / Answer options	Москва / Moscow	Мордовия / Mordovia	Северная Осетия-Алания / North Ossetia-Alania
Патриотизм / Patriotism	48,6	54,9	61,4
Национальная гордость / National pride	46,7	38,2	41,8
Права человека / Human rights	44,9	28,2	54,8
Социальная справедливость и равенство / Social justice and equality	40,8	41,6	47,2
Общественный порядок / Public of the peace	37,4	36,2	34,3
Безопасность / Security	35,5	43,6	54,3
Державность (возвращение России статуса сверхдержавы) / Great-power status	27,1	29,1	26,1
Духовность / Spirituality	40,3	36,9	14,3
Религия, религиозные традиции / Religion, religious traditions	15,8	14,8	7,4
Социализм / Socialism	3,3	2,6	3,6
Интернационализм / Internationalism	6,7	1,5	10,5
Общественное самоуправление / Community self-government	5,4	3,3	3,7

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных политических идей или ценностей являются близкими лично для Вас?» (в % от числа опрошенных в 2019-2020 гг.)²

Table 2

Distribution of responses to the question: “Which of the following political ideas or values are personally close to you?” (% of the total number of respondents, 2019-2020)

Варианты ответов / Answer options	Москва / Moscow	Белгород / Belgorod	Мордовия / Mordovia
Патриотизм / Patriotism	44,5	51,5	51,6
Национальная гордость / National pride	39,3	39,2	30,7
Свобода и права человека / Freedom and human rights	60,6	54,3	42,4
Социальная справедливость / Social justice	56,8	49,1	53,1
Демократия / Democracy	34,2	26,3	12,4
Общественный порядок / Public of the peace	50,6	43,0	35,6
Безопасность / Security	59,0	39,2	43,6

¹ Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

² Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Державность (возвращение России статуса сверхдержавы) / Great-power status	16,8	17,4	12,1
Духовность / Spirituality	29,5	23,2	31,0
Религия, религиозные традиции / Religion, religious traditions	18,0	15,7	14,0
Интернационализм / Internationalism	14,4	7,5	6,1
Социализм / Socialism	12,5	10,9	7,0
Самодержавие / Autocracy	2,4	4,1	0,7
Общественное самоуправление / Community self-government	11,8	10,6	4,7

Какими были приоритеты гражданских ценностей в типологических группах с различной степенью религиозности? Информация по этому вопросу приведена в таблице в приложении¹. Результаты показывают, что религия не является статистически значимым дифференцирующим фактором в связи с предпочтениями респондентов большей части исследуемых ценностей. Это относится к таким ценностям как «свобода и права человека», «безопасность», «социальная справедливость», «социализм», «общественный порядок», «общественное самоуправление», «интернационализм». Другими словами, здесь распределения ценностных приоритетов среди граждан с различными религиозными ориентациями существенно не отличались друг от друга.

Вместе с тем, приоритет ряда других ценностей оказывается неодинаковым в группах с различной религиозностью. Применительно к ценностям «патриотизма» и «духовности» наблюдается увеличение доли принятия этих ценностей по мере роста религиозной включенности. Это было присуще респондентам, представляющим все регионы, в которых проводилось исследование. Так, среди верующих воцерковленных москвичей разделяли идеи патриотизма 67% респондентов; среди верующих невоцерковленных – 45%; среди колеблющихся в части веры и неверия – 39%; среди нерелигиозного населения – 20%. Аналогичное по характеру распределение относится к ценности «духовности». Обратным является отношение в типологических группах к ценности «демократии» (среди респондентов Белгорода и Мордовии). Здесь фиксируется больший уровень принятия этой ценности в группах нерелигиозного населения по сравнению с верующими воцерковленными респондентами².

Заметим, что приоритет ценности «патриотизма», как ключевой гражданской ценности среди населения с высокой степенью религиозности соотносится и с другим индикатором. Речь идет о распределении ответов на вопрос «Можете ли вы сказать о себе: «Я горжусь, что являюсь гражданином России?»». Данные об этом показаны в таблице 3. Будем учитывать, что в целом по массивам утвердительно ответили на вопрос 62% опрошенных в Москве, 69% – в Белгороде, 75% – в Саранске. При этом соотношение долей, утвердительно ответивших на этот вопрос в группах верующих воцерковленных, с одной стороны, и в группе нерелигиозного населения составляют 2.2 раза в Москве, 1.4 раза – в Белгороде и Мордовии. Наличие статистически значимой связи между гордостью в связи с принадлежностью к гражданству России и религиозной включенностью подтверждено также с помощью процедуры Краскэла-Уолисса.

Общественные настроения отражают как ключевые ценностные константы, так и институциональные практики, с которыми сталкиваются граждане. По всей видимости,

¹ Исследование показало наличие высокой корреляции между переменными патриотизма, национальной гордости, державности. Соответственно, две последних переменных не используются в последующем анализе.

² Наличие значимой связи между переменными «патриотизма», «духовности», «демократии» и составляющими переменной религиозности подтверждено с помощью процедуры статистического непараметрического анализа Краскэла-Уолисса.

популярность идеи патриотизма оказалась подкрепленной за счет деятельности российского государства на внешнеполитической арене, укрепления суверенитета страны в первые два десятилетия нынешнего столетия. Вместе с тем, стабильно фиксируемый приоритет такой ценности, как социальная справедливость сопряжен с иной направленностью деятельности институтов. В целом деятельности власти присущ был акцент на сохранении либерального курса в экономике и социальной сфере. Понятно, что такой подход предполагал отношение к социальной справедливости преимущественно в радикально-либеральной логике и слабо соотносился с настроениями широких слоев населения.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Можете ли вы сказать о себе: «Я горжусь, что являюсь гражданином России?»» группах с различной религиозностью (в % от числа опрошенных в группе в 2019-2020 гг.)¹

Table 3

Distribution of responses to the question: “Can you say about yourself: ‘I am proud to be a citizen of Russia?’” across groups with different levels of religiosity (% of respondents in each group, 2019-2020)

Варианты ответов / Answer options	Нерелигиозное население / Non-religious population	Колеблющиеся / The wavering	Верующие невоцерковленные / Unchurched believers	Верующие воцерковленные / Churched believers
Москва / Moscow				
Да / Yes	36,7	59,8	71,8	82,1
Нет / No	46,7	22,1	15,3	7,5
Затруднились ответить / Don't know	16,7	18,0	12,9	10,4
Всего / Total	100	100	100	100
Белгород / Belgorod				
Да / Yes	54,5	46,8	86,5	75,8
Нет / No	33,3	11,3	5,6	18,2
Затруднились ответить / Don't know	12,1	41,9	7,9	6,1
Всего / Total	100	100	100	100
Мордовия / Mordovia				
Да / Yes	59,5	62,2	79,5	78,9
Нет / No	27,0	11,2	3,8	7,9
Затруднились ответить / Don't know	13,5	26,5	16,7	13,2
Всего / Total	100	100	100	100

Социальные представления в группах с различной конфессиональной и нерелигиозной самоидентификацией: актуальный контекст. В этом разделе рассматриваются результаты

¹ Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

исследования, проведенного в Москве в 2025 г. Важным моментом является контекст исследования, существенно отличавшийся от двух предшествующих десятилетий. Фундаментальным в этой связи обстоятельством является военный конфликт на Украине, проведение СВО, нарастание геополитического противостояния России с современным пост-Западом. Очевидно, что все это не могло не отразиться на политико-экономических, культурных, социально-психологических характеристиках жизни российского общества.

В условиях актуализации проблематики суверенного статуса страны важными становится вопрос о том, каким должен быть ценностный каркас развития. Это тем более так, что в основе углубления конфликта с современным пост-Западом не последнюю роль играют слабо совместимые между собой мировоззренческие матрицы вовлеченных в этот конфликт акторов. В таблице 5 приводятся представления участников исследования о наиболее значимых ценностях в связи с задачами обеспечения независимого развития. Показательно, что в ранжированном ряду приоритет имеют ценности, которые фиксировались нами ранее в исследованиях 2008 и 2019-2020 гг.: «патриотизм», «свобода и права человека», «справедливость». Наряду с этим, ведущую позицию здесь занимает ценность «семьи». Последнее представляется не случайным в связи с критической демографической ситуацией в стране, а также включением вопроса о роли традиционной семьи, как одного из важных пунктов культурно-идеологической борьбы в современном мире. В перечень приоритетных ценностей, значимых для развития страны входит также «единство народов России». Это вполне очевидно, поскольку задачи расчленения РФ открыто провозглашаются среди целей коалиции государств, вступивших, фактически, в войну на уничтожение нашей страны.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие ценности сегодня наиболее значимы для обеспечения суверенитета, безопасности и устойчивого развития российского государства и общества?» (в % от числа опрошенных в 2025 г. в Москве)¹

Table 4

Distribution of responses to the question: “What values are most important today for ensuring the sovereignty, security and sustainable development of the Russian state and society?” (% of respondents in Moscow, 2025)

Перечень ценностей / List of values	%
Крепкая семья / Strong family	36,1
Права и свободы человека / Human rights and freedoms	34,7
Патриотизм, гражданственность / Patriotism, Sense of civic duty	32,5
Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу / Protection and service to the Fatherland, responsibility for its destiny	27,7
Единство народов России / Unity of the peoples of Russia	27,3
Справедливость / Justice	23,4
Высокие нравственные идеалы / High moral ideals	22,0
Созидательный труд / Creative work	20,8
Взаимопомощь и взаимоуважение / Mutual assistance and mutual respect	19,8
Историческая память и преемственность поколений / Historical memory and continuity of generations	19,2

¹ Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Охрана окружающей среды и природы / Environmental protection and nature conservation	16,7
Приоритет духовного над материальным / Priority of the spiritual over the material	12,3
Милосердие / mercy	11,8
Гуманизм / Humanism	10,9
Коллективизм / Collectivism	7,5
Религиозные традиции и ценности / Religious traditions and values	5,5

Существуют ли отличия в видении тех ценностей, опора на которые может способствовать обеспечению суверенного развития страны, в группах респондентов с различной конфессиональной и нерелигиозной самоидентификацией? Данные об этом приведены в таблице 5. Среди участников исследования, указавших на свое православное вероисповедание, по сравнению с неверующими более выраженным является приоритет таких ценностей, как «семья» – 38% и 26%; «справедливость» – 26% и 14%, соответственно. Причем здесь наблюдается значимая статистическая связь между этими переменными. Доли упоминаний других ценностей-лидеров являются более однородными в группах с различной конфессиональной самоидентификацией.

Таблица 5

Доля упоминаний топ-6 ценностей наиболее значимых для обеспечения суверенитета, безопасности и устойчивого развития российского государства и общества в группах с различной конфессиональной самоидентификацией (в % от числа опрошенных в группе в 2025 г. в Москве)¹

Table 5

Share of mentions of the top 6 values most important for ensuring the sovereignty, security and sustainable development of the Russian state and society, across groups with different religious self-identification (% of the number of respondents in each group, Moscow, 2025)

Варианты ответов / Answer options	Православные / Orthodox	Верующие вне конфессий / Believers outside the confessions	Неверующие / The Unbelievers
Крепкая семья / Strong family	37,9	26,4	26,2
Права и свободы человека / Human rights and freedoms	34,4	35,5	35,3
Патриотизм, гражданственность / Patriotism, Sense of civic duty	34,1	20,0	36,5
Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу / Protection and service to the Fatherland, responsibility for its destiny	27,1	25,5	32,2
Единство народов России / Unity of the peoples of Russia	29,6	21,3	24,1
Справедливость / Justice	26,4	21,5	14,2

¹ Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

В условиях нарастания глобальной нестабильности важным является отношение людей к политической системе, действующей в стране. Будем иметь в виду, что на протяжении всех постсоветских лет это отношение претерпело изменения. В основном это касалось представлений о том, что «политическую систему необходимо изменить радикальным образом». Согласно ежегодным общероссийским мониторинговым исследованиям, пик подобных настроений приходился на период 1994-1999 гг., и они находились в пределах 43%-49%. В последующие два десятилетия доля респондентов, выступавших за радикальные трансформации политической системы, постепенно снижалась. В период проведения СВО число сторонников радикальных изменений находилось в пределах 13%-18% (Левашов, Великая, Шушпанова, и др., 2024). По данным исследования 2025 г. в Москве распределение ответов об отношении к политической системе российского общества было следующим: политическая система полностью устраивала 22% респондентов; считали, что система имеет много недостатков, но их можно изменить путем реформ 54% опрошенных; за радикальные изменения политической системы выступали 12% участников исследования.

Информация о том, каким было отношение к политической системе российского общества в указанных типологических группах, представлена в Таблице 6. Наиболее яркое отличие связано с оценками радикального характера. Если среди респондентов-православных считали, что политическую систему необходимо радикально изменить 11%, то среди респондентов-неверующих – 27%. Среди респондентов с разными конфессиональными и нерелигиозными ориентациями и разделяющих более умеренные оценки – «удовлетворенных состоянием политической системы» или «ориентированных на ее постепенное реформирование» – различия были не столь заметными. Значимых статистических различий между этими группами также не было зафиксировано в показателе «обеспечение государством норм демократического общества»: среди таких его индикаторов, как «равенство всех граждан перед законом», «личная безопасность», «соблюдение прав человека», «социальные гарантии», «свобода политического выбора», «терпимость к чужому мнению», «свобода слова».

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «С каким из суждений о политической системе нашего общества Вы согласны?» (в группах с различной конфессиональной самоидентификацией (в % от числа опрошенных в группе в 2025 г. в Москве)¹

Table 6

Distribution of responses to the question: “Which statement about the political system of our society do you agree with?” (across groups with different religious self-identification; as a percentage of the number of respondents in each group, Moscow, 2025)

Варианты ответов / Answer options	Православные / Orthodox	Верующие вне конфессий / Believers outside the confessions	Неверующие / The Unbelievers
Меня полностью устраивает политическая система нашего общества / I am completely satisfied with the political system of our society	24,1%	15,8%	22,8%
В политической системе нашего общества много недостатков, но их можно устранить путём постепенных реформ / There are	54,1%	60,8%	44,4%

¹ Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

many shortcomings in the political system of our society, but they can be eliminated through gradual reforms			
Меня не устраивает политическая система нашего общества, её необходимо радикально изменить / I am not satisfied with the political system of our society, and it needs to be radically changed	11,1%	18,5%	27,0%
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	10,7%	4,8%	5,9%
Всего/ Total	100%	100%	100%

Представления о перспективах российского развития характеризуют оценки участниками исследования будущего – в аспектах своего личного будущего и будущего нашей страны (см. Таблицу 7). При интерпретации данных будем учитывать, что индикаторы личностных перспектив и видения будущего развития страны являются высоко коррелированными¹. В целом по массиву преобладающим является видение будущего, характеризующееся «уверенностью и оптимизмом» или «надеждой и без особой тревоги». Такие оценки разделяли около 60% опрошенных. Эмоционально-психологические оценки будущего у четверти респондентов были менее оптимистичными – им были свойственны «надежда и тревога в равной степени». Радикальную обеспокоенность, сопряженную с «тревогой и неуверенностью» или с «безысходностью и отчаянием», проявили 11% в связи с оценками личных перспектив; 13% опрошенных – в связи с будущим страны.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «С каким настроением Вы смотрите в своё личное будущее и будущее нашей страны?» (в группах с различной конфессиональной самоидентификацией (в % от числа опрошенных в группе в 2025 г. в Москве)²

Table 7

Distribution of responses to the question: “With what mood do you look towards your personal future and the future of our country?” (across groups with different religious self-identification; as a percentage of the number of respondents in each group, Moscow, 2025)

Варианты ответов / Answer options	Православные / Orthodox	Верующие вне конфессий / Believers outside the confessions	Неверующие / The Unbelievers
Настроение в связи с личным будущим / The mood in connection with the personal future			
С уверенностью и оптимизмом / с надеждой и без особой тревоги/ With confidence and optimism / with hope and without much anxiety	58,9	59,5	58,9

¹ Наблюдается сильная положительная связь. Коэффициент корреляции Спирмена равен 0,681. Корреляция значима 0,01.

² Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

С надеждой и тревогой в равной степени/With equal parts hope and anxiety	28,7	26,9	22,2
С тревогой и неуверенностью / с безысходностью и отчаянием/ With anxiety and uncertainty / with hopelessness and despair	10,0	11,8	16,3
Затрудняюсь ответить// I find it difficult to answer	2,3	1,8	2,6
Настроение в связи будущим нашей страны / The mood in connection with the future of our country			
С уверенностью и оптимизмом / с надеждой и без особой тревоги / With confidence and optimism / with hope and without much anxiety	57,0	57,3	55,4
С надеждой и тревогой в равной степени / With equal parts hope and anxiety	29,3	21,2	22,6
С тревогой и неуверенностью / с безысходностью и отчаянием / With anxiety and uncertainty / with hopelessness and despair	10,4	18,4	18,4
Затрудняюсь ответить/ I find it difficult to answer	3,4	3,1	3,5
Всего / Total	100	100	100

Приведенные данные фиксируют, что представления участников исследования о будущем мало отличались в конфессиональных группах. Отличия касались, только респондентов, которые характеризовали оценки своего будущего в терминах «тревоги», «отчаяния». Среди православных доля, имеющих подобные оценки как в приложении к личности, так и к стране оказались меньшими по сравнению с респондентами неверующими (в 1,6 и в 1,8 соответственно).

Как известно, проблематика исторического прошлого страны находилась в сфере внимания российского общества в течение всего новейшего времени. Немаловажно, что этот вопрос стал еще более важным сейчас, поскольку имеет прямое отношение к консолидации общества и его способности в преодолении современных вызовов. В рамках исследования фокус анализа был сосредоточен на общей оценке деятельности наиболее известных российских исторических личностей – руководителей страны последнего столетия.

В Таблице 8 приведены распределения оценок исторических личностей (с точки зрения пользы, которую принесла их деятельность России) в группах респондентов с различной религиозной принадлежностью. Рассмотрим подробнее исторических деятелей, рейтинг которых занял первые пять позиций. Первые две позиции во всех группах занимали одни и те же личности – В. В. Путин и И. В. Сталин Среди православных их рейтинги составили 57% и 37%, соответственно; в группе верующих вне конфессий – 48% и 27%; среди неверующих – 35 и 29%. Последующие позиции в рейтинге пользы деятельности исторических персон для страны оказались в конфессиональных группах не столь однородными.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Кто из руководителей России XX и XXI века принес ей наибольшую пользу?» в группах с различной конфессиональной самоидентификацией (в % от числа опрошенных в группе в 2025 г. в Москве)¹

Table 8

Distribution of responses to the question: “Which Russian leader of the 20th and 21st centuries has been most beneficial for the country?” across groups with different religious self-identification (as a percentage of the number of respondents in each group, Moscow, 2025)

Варианты ответов / Answer options	Православные / Orthodox	Верующие вне конфессий / Believers outside the confessions	Неверующие / The Unbelievers
Николай II / Nicholas II	12,5%	15,4%	15,3%
Керенский А. Ф. / Kerensky A. F.	4,5%	6,5%	10,0%
Ленин В. И. / Lenin V. I.	14,0%	13,9%	18,5%
Сталин И. В. / Stalin I. V.	37,5%	27,4%	29,2%
Хрущев Н. С. / Khrushchev N. S.	10,2%	11,5%	10,1%
Брежнев Л. И. / Brezhnev L. I.	16,4%	10,4%	15,1%
Андропов Ю. В. / Andropov Yu. V.	6,0%	10,1%	6,9%
Черненко К. У. / Chernenko K. U.	4,5%	2,2%	3,9%
Горбачев М. С. / Gorbachev M. S.	4,3%	5,0%	1,4%
Ельцин Б. Н. / Yeltsin B. N.	1,8%	2,8%	3,1%
Медведев Д. А. / Medvedev D. A.	9,6%	10,7%	7,6%
Путин В. В. / Putin V. V.	57,7%	48,0%	35,9%

При этом границы популярности более широкого перечня исторических деятелей находились в достаточно ограниченных пределах 10% – 16%. Это относилось к Николаю II, В. И. Ленину, Л. И. Брежневу, Н. С. Хрущеву. Заметим, что статистически значимой зависимости между переменными отношения к деятельности отдельных исторических личностей и конфессиональной принадлежностью в большинстве случаев не зафиксировано. Вместе с тем, зависимость здесь наблюдалась в связи с положительной оценкой деятельности В. В. Путина². Среди респондентов-православных 57% считали, что ныне действующий Президент России принес наибольшую пользу стране; среди респондентов-неверующих такое мнение разделяли 35% опрошенных.

Представления участников исследования об исторических личностях, деятельность которых нанесла наибольший вред стране, были преимущественно сконцентрированы на М. С. Горбачеве и Б. Н. Ельцине (см. Таблицу 9). Причем лидерство этих государственных

¹ Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

² Коэффициент корреляции Пирсона 0,172. Корреляция значима на уровне 0,01.

деятели в отрицательном рейтинге наблюдалось во всех группах с различной конфессиональной и нерелигиозной самоидентификацией респондентов. Наблюдалась статистически значимая связь между переменными религиозной принадлежности и оценками данных исторических фигур¹. Обратим внимание, что оценки негативного вклада деятельности М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина были выше среди респондентов-православных, по сравнению с неверующими (45% и 43% против 26% и 29%, соответственно).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Кто из руководителей России XX и XXI века принес ей наибольший вред?» в группах с различной конфессиональной самоидентификацией (в % от числа опрошенных в группе в 2025 г. в Москве)²

Table 9

Distribution of answers to the question: “Which of the leaders of Russia in the 20th and 21st centuries has caused the most harm to Russia?” in groups with different confessional self-identification (% of the number of respondents in the group in 2025 in Moscow)

Варианты ответов / Answer options	Православные / Orthodox	Верующие вне конфессий / Believers outside the confessions	Неверующие / The Unbelievers
Николай II / Nicholas II	6,5%	5,5%	11,5%
Керенский А. Ф. / Kerensky A. F.	8,5%	3,5%	7,7%
Ленин В. И. / Lenin V. I.	13,1%	15,7%	14,8%
Сталин И. В. / Stalin I. V.	10,9%	10,9%	12,2%
Хрущев Н. С. / Khrushchev N. S.	13,3%	8,4%	10,2%
Брежнев Л. И. / Brezhnev L. I.	8,7%	11,3%	12,1%
Андропов Ю. В. / Andropov Yu. V.	5,1%	6,0%	5,7%
Черненко К. У. / Chernenko K. U.	5,7%	8,3%	4,8%
Горбачев М. С. / Gorbachev M. S.	45,5%	30,2%	26,2%
Ельцин Б. Н. / Yeltsin B. N.	43,8%	35,4%	29,8%
Медведев Д. А. / Medvedev D. A.	6,0%	6,6%	3,8%
Путин В. В. / Putin V. V.	5,3%	5,8%	8,1%

Как соотносятся между собой оценки пользы и вреда деятельности исторических персон – лидеров рейтинга? В целом по массиву связи с деятельностью В. В. Путина соотношение положительных и отрицательных оценок составляет 8 раз; в И. В. Сталина – 3

¹ Горбачев М. С.: коэффициент корреляции Пирсона 0,167; корреляция значима на уровне 0,01. Ельцин Б.Н.: коэффициент корреляции Пирсона 0,116; корреляция значима на уровне 0,01.

² Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии идеологических и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

раза. Соотношение отрицательных и положительных оценок М. С. Горбачева оказалось равным 10, Б. Н. Ельцина – 17. В группах с различной конфессиональной и нерелигиозной самоидентификацией приведенные выше соотношения в пользу положительных оценок этих лидеров оказываются несколько большими среди респондентов в группе православных и меньшими среди респондентов в группе неверующих.

Заключение (Conclusions). В течение первых двух десятилетий нынешнего века общественные настроения отражали сочетание различных ценностей политико-идеологического плана. Наряду с жизненно важными для обеспечения существования индивидов и общества ценностями «безопасности», «общественного порядка», здесь присутствовали ценности, несущие на себе акцент разных исторических периодов и имеющих актуальный объединительный потенциал сегодня. Согласно полученным данным, это относится к ценностям «социальной справедливости», отражающим, среди прочего, опыт советского периода; «свободы и прав человека», широко вошедших в социальную практику в постсоветское время. Вместе с тем, среди ценностей-лидеров выделяется идея «патриотизма», которая неразрывно связана практически со всеми историческими периодами истории страны.

Характерно, что в группах российских граждан, отличающихся по своей религиозной и нерелигиозной принадлежности (среди верующих воцерковленных, верующих невоцерковленных, колеблющихся, нерелигиозных респондентов (неверующих и атеистов)) отношение к большей части упомянутых выше ценностных приоритетов не имело статистически значимых отличий. В этом смысле настроения большей части российских граждан являются достаточно консолидированными независимо от их религиозных предпочтений. Тем не менее, ярким отличием характеризуется отношение респондентов в типологических группах к таким ценностям, как «патриотизм» и «духовность». Зафиксирована положительная связь поддержки этих ценностей, с одной стороны, и уровнем воцерковленности респондентов – с другой, независимо от региональной специфики изучаемых субъектов РФ. Соотносящимся с этим является обстоятельство, что приоритет ценности российского гражданства возрастает по мере роста степени религиозности. Таким образом, традиционная религиозная принадлежность оказывается важным фактором, сопутствующим укреплению патриотических и духовно-нравственных ориентаций населения.

Правомерно, на наш взгляд, говорить о том, что результаты исследования отражают на уровне массового сознания плохо сочетающиеся и зачастую конфликтующие между собой различные интерпретации современной действительности. В ряде распространенных в течение последнего полувека в мировом социально-политическом и академическом дискурсах построений продвигалась идея об эмпирически наблюдаемой связи между наличием в тех или иных странах условий для успешного развития глобального капитализма, с одной стороны, и фундаментальными ценностными сдвигами, происходящими в этой связи – с другой. Ряд ученых считает, что для современного общества характерно распространение постматериалистических ценностей, с фокусом на ценностях самовыражения, значимости индивидуального выбора, социальной толерантности, демократизации (Инглхарт, 2018). Причем, применительно к России распространение традиционных ценностей они относят к «эффекту колеи», обусловленному историей, усложняющему прогрессивное развитие.

На этом фоне показательными являются данные мониторинговых наших исследований в различных регионах страны о том, какие ценности значимы на сегодня для обеспечения суверенитета, безопасности и развития российского государства. Закономерно, что среди респондентов, независимо от степени их религиозной, а также конфессиональной самоидентификации, среди ведущих были названы как раз те, которые относятся к кругу базовых традиционных ценностей: крепкая семья, патриотизм, гражданственность, защита и служение Отечеству, единство народов России, справедливость. Оценивая эти эмпирические результаты, стоит учитывать, что ценностные представления общества являются результатом конкуренции различных сил. В данном случае речь идет о борьбе направлений, представляющих цивилизации пост-Запада и России. Причем это находит проявление во

взаимосвязанных областях: институциональной организации общества, культурно-интеллектуального производства и массовых настроений.

В этих условиях еще большую актуальность имеет вопрос об устойчивости российской политической системы, представлениях граждан об их будущем и прошлом. Согласно полученным результатам, три четверти респондентов указали, что их устраивает российская политическая система, либо выступали за постепенное реформирование существующих недостатков. Наиболее значимые различия между конфессиональными и нерелигиозными группами касались целесообразности радикальных изменений в этой области. Так, респонденты, относящие себя к православным, были ориентированы на негативные оценки политической системы общества в наименьшей степени по сравнению с неверующими. Стабильность общества соотносится и с оценками гражданами жизненных перспектив, своего будущего и прошлого. В целом в оценках будущего, которые разделяли около двух третей граждан, преобладали категории уверенности и надежды; тревога и надежда в равной степени были присущими четверти респондентов. Доля респондентов, разделяющих настроения неуверенности и безысходности, составила около десятой части опрошенных. Причем в конфессиональной группе православных подобные оценки были распространены существенно меньше, чем среди респондентов в группах внеконфессиональных верующих и нерелигиозного населения.

Данные исследования отражают сложившиеся на сегодня представления о прошлом, которые целесообразно учитывать в связи с задачами укрепления общероссийской идентичности, консолидации общества. Это тем более важно, что в связи с трансформацией социально-политической и экономической системы страны и последующими реформами, официальные оценки исторических периодов, роли государственных лидеров неоднократно менялись. Социологическое исследование фиксирует оценки москвичами вклада в развитие страны ряда ключевых государственных фигур, представляющих последний период самодержавия, советский и постсоветские периоды истории. Показательно, что лидерство в положительных оценках государственных фигур с большим отрывом имел В. В. Путин, а также имевший, хотя в полтора раза меньше упоминаний – И. В. Сталин. Характерно, что наибольшую поддержку эти исторические деятели получили в группе православных респондентов. По нашему мнению, вопрос о противопоставлении советского периода другим периодам российской истории, что зачастую проявляется в медийном дискурсе последнего десятилетия, представляется контрпродуктивным, с точки зрения укрепления единства современного общества и национальной безопасности государства.

Список литературы

- Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ / РАН. Ин-т философии. Москва: ИФ РАН, 1999. 244 с.
- Белова Т. П. Этноконфессиональная идентификация религиозного меньшинства (на примере Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня России) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 84-99. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-7. EDN: LUVRDO.
- Белова Т. П. Религиозный фактор исторической памяти российского студенчества о Великой Отечественной войне // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 9-21. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-2. EDN: TUPFBD.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Пер. с англ. С. Л. Лопатиной. Москва: Мысль, 2018. С. 92-93.
- Как живешь, Россия?: Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2024. С.5. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024. ISBN: 978-5-89697-429-1. EDN: INPEEV.
- Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96-107. EDN: JZFAQZ.
- Кублицкая Е. А., Назаров М. М. Динамика религиозности в современной России (по данным исследований в столичном регионе) // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 11. С. 1120-1127. DOI: 10.31857/S0869-587389111120-1127. EDN: RNDVMC.

Лебедев С. Д. Религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 26-40. DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.2. EDN: CRMDWE.

Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118-126. EDN: PMKWKP.

Лопаткин Р. А. Религиозность // Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М. Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 267.

Митрохин Л. М. Религии «нового века». Москва: Сов. Россия, 1985. 160 с.

Мчедлов М. П. Современный верующий: социальные характеристики, ценностные ориентации // Свободная мысль. 1996. № 8. С. 113-123.

Пруцкова Е. В. Религиозность и базовые ценности россиян (по данным «Европейского социального исследования» и всероссийского исследования «Ортодокс Монитор») // Вестник Православного Свято Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 72. С. 126-143. DOI: 10.15382/sturI201772.126-143. EDN: ZHDNMJ.

Руткевич Е. Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы западной социологии религии // Вестник Института социологии. 2017. № 1(20). С. 131-161. DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.447. EDN: YMEVAM

Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89-96.

Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. Москва: Мысль, 1973. 239 с.

Угринович Д. М. Психология религии. М.: Политиздат, 1986. 352 с.

Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX - начале XXI века. М.: Огни ТД, 2006. 90 с. (Доклады Института Европы РАН). ISBN: 5-9722-0033-3. EDN: SMSEOD.

Чеснокова В. Ф. Тесным путём: процесс воцерковления населения России в конце XX века. Москва: Акад. Проект, 2005. 296. ISBN: 5-8291-0359-1

Яблоков И. Н. Социология религии. Москва: Мысль, 1979. 184 с.

Glock Ch. Y., Stark R. Religion and Society in Tension. Chicago: Rand McNally and Company, 1965. 316 p.

References

Balagushkin, E. G. (1999), *Netraditsionnye religii v sovremennoy Rossii: morfologicheskyy analiz* [Non-traditional religions in modern Russia: A Morphological Analysis], Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Moscow, Russia. (In Russian)

Belova, T. P. (2022), "The religious factor of historical memory of the Great Patriotic War among Russian students", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (4), 9-21, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-0-7, EDN: LUVRDO. (In Russian)

Belova, T. P. (2024), "Ethno-confessional Identification of a Religious Minority (on the Example of the Seventh-day Adventist Church of Russia)", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (1), 84-99, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-2, EDN: TUPFBD. (In Russian)

Inglehart, R. (2018), *Kulturnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How Human Motivations Change and How This Transforms the World], translated from English by S. L. Lopatina, Mysl, Moscow, Russia, 92-93. (In Russian)

Levashov, V. K., Velikaya, N. M., Shushpanova, I. S. et al. (2024), *Kak zhivesh, Rossiya?: Ekspress-informatsiya. 54 etap sotsiologicheskogo monitoringa, April 2024 goda* [How Is Russia Doing? Rapid Information: 54th Stage of Sociological Monitoring, April 2024], Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024, ISBN: 978-5-89697-429-1, EDN: INPEEV. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2009), "Features of religiosity in modern Russia", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (4), 96-107, EDN: JZFQOZ. (In Russian)

Kublitskaya, E. A., Nazarov, M. M. (2019), "Dynamics of religiosity in modern Russia (based on studies in the metropolitan region)", *Vestnik Rossiiskoy Akademii Nauk*, 89 (11), 1120-1127, DOI: 10.31857/S0869-58738911120-1127, EDN: RNDVMC. (In Russian)

Lebedev, S. D. (2025), "Religious and worldview strategies of Russian youth", *Science. Culture. Society*, 31 (3), 26-40, DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.2, EDN: CRMDWE. (In Russian)

Lebedev, S. D., Sukhorukov, V. V. (2013), "A narrow path to the wrong place?", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (1), 118-126, EDN: PMKWKP. (In Russian)

Lopatkin, R. A. (2017), "Religiosity", *Encyclopedic Dictionary of the Sociology of Religion*, ed. by M. Yu. Smirnov, Platonov Philosophical Society, St. Petersburg, Russia, 267. (In Russian)

- Mitrokhin, L. M. (1985), *Religii «novogo veka»* [Religions of the 'New Age'], Sovetskaya Rossiya, Moscow, USSR. (In Russian)
- Mchedlov, M. P. (1996), "The modern believer: social characteristics, value orientations", *Svobodnaya Mysl*, (8), 113-123. (In Russian)
- Prutskoy, E. V. (2017), "Religiosity and Basic Values of Russians (Based on Data from the 'European Social Survey' and the All-Russian Study 'Orthodox Monitor')", *Vestnik Pravoslavnogo Svyato Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, (72), 126-143, DOI: 10.15382/sturl201772.126-143, EDN: ZHDNMJ. (In Russian)
- Rutkevich, E. D. (2017), "Religion in the global space: approaches, definitions, problems of Western sociology of religion", *Vestnik Instituta sotsiologii*, 1(20), 131-161, DOI: 10.19181/vis.2017.20.1.447, EDN: YMEVAM. (In Russian)
- Sinelina, Yu. Yu. (2001), "On criteria for determining the religiosity of the population", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (7), 89-96. (In Russian)
- Ugrinovich, D. M. (1973), *Vvedenie v teoreticheskoe religiovedenie* [Introduction to Theoretical Religious Studies], Mysl, Moscow, USSR. (In Russian)
- Ugrinovich, D. M. (1986), *Psikhologiya religii* [Psychology of Religion], Moscow, USSR. (In Russian)
- Furman, D. E., Kaariainen, K. (2006), *Religioznost v Rossii v 90-e gody XX - nachale XXI veka* [Religiosity in Russia in the 1990s of the 20th - early 21st century], Ogni TD, Moscow, Russia. (Reports of the Institute of Europe, RAS), ISBN: 5-9722-0033-3, EDN: SMSEOD. (In Russian)
- Chesnokova, V. F. (2005), *Tesnym putyom: protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka* [By a Narrow Path: The Process of Churching of the Russian Population at the End of the 20th Century], Akademichesky Proekt, Moscow, Russia, ISBN: 5-8291-0359-1. (In Russian)
- Yablokov, I. N. (1979), *Sotsiologiya religii* [Sociology of Religion], Mysl, Moscow, Russia. (In Russian)
- Glock, Ch. Y., Stark, R. (1965), *Religion and Society in Tension*: Rand McNally and Company, Chicago.
- Статья поступила в редакцию 04 апреля 2026 г. Поступила после доработки 16 мая 2026 г. Принята к печати 01 июня 2026 г.*
- Received 04 April 2026. Revised 16 May 2026. Accepted 01 June 2026.*

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, заведующая Лабораторией исследований религиозных факторов структурных изменений в современном обществе при Центре изучения рождаемости, брачности и семьи, ведущий научный сотрудник, Институт социальной демографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСД ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Elena A. Kublitskaya, Candidate of Philosophy, Head of the Laboratory for Research on Religious Factors of Structural Changes in Modern Society at the Center for the Study of Fertility, Marriage, and the Family; Leading Researcher, Institute of Demographic Research of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI of the FRSC RAS), Moscow, Russia.

Назаров Михаил Михайлович, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра социологии идеологических и социокультурных процессов, Институт социально-политических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Mikhail M. Nazarov, Doctor of Sociology, Chief Researcher at the Center for Sociology of Ideological and Sociocultural Processes, Institute of Social and Political Research of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISPI FSRSC RAS), Moscow, Russia.

Приложение

Распределение ответов на вопрос: «Какие из перечисленных ниже политических идей или ценностей являются близкими лично для Вас?» в группах с различной религиозностью (в % от числа опрошенных в группе в 2019-2020 гг.)¹

Application

Distribution of responses to the question: “Which of the following political ideas or values are personally close to you?” across groups with different levels of religiosity (in % of respondents in each group, 2019-2020)

Варианты ответов / Answer options	Москва / Moscow				Белгород / Belgorod				Мордовия / Mordovia			
	Нерелигиозное население / Non-religious population	Колеблющиеся / The wavering	Верующие невоцерковленные / Unchurched believers	Верующие воцерковленные / Churchd believers	Нерелигиозное население / Non-religious population	Колеблющиеся / The wavering	Верующие невоцерковленные / Unchurched believers	Верующие воцерковленные / Churchd believers	Нерелигиозное население / Non-religious population	Колеблющиеся / The wavering	Верующие невоцерковленные / Unchurched believers	Верующие воцерковленные / Churchd believers
Патриотизм / Patriotism	20,0	39,3	45,4	67,2	30,3	43,5	52,4	45,5	37,8	37,8	47,8	63,2
Свобода и права человека / Freedom and human rights	61,7	67,2	62,0	65,7	59,1	50,0	57,1	54,5	51,4	38,8	45,2	23,7
Социальная справедливость / Social justice	55,0	60,7	58,3	55,2	51,5	43,5	47,6	66,7	51,4	55,1	48,4	47,4
Демократия / Democracy	30,0	36,1	37,4	29,9	22,7	6,5	32,5	9,1	21,6	18,4	9,6	2,6

¹ Источник: составлено авторами по данным социологических исследований, проведенных Центром социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Общественный порядок / Public of the peace	41,7	55,7	54,6	53,7	36,4	38,7	49,2	24,2	40,5	36,7	37,6	28,9
Безопасность / Security	55,0	57,4	65,6	61,2	42,4	53,2	43,7	30,3	35,1	39,8	48,4	31,6
Духовность / Spirituality	5,0	16,4	31,3	50,7	4,5	14,5	30,2	30,3	8,1	16,3	30,6	42,1
Интернационализм / Internationalism	25,0	8,2	10,4	19,4	10,6	8,1	4,8	9,1	13,5	4,1	4,5	5,3
Социализм / Socialism	13,3	9,8	14,7	16,4	10,6	19,4	6,3	9,1	29,7	7,1	5,7	2,6
Общественное самоуправление / Community self-government	18,3	12,3	8,0	11,9	18,2	14,5	9,5	12,1	10,8	7,1	2,5	10,5